

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 271.22(571.17)-9

ВЫДАЮЩИЕСЯ ДЕЯТЕЛИ РПЦ, ПОГИБШИЕ В ЛАГЕРЯХ КУЗБАССА: ЕПИСКОП АМФИЛОХИЙ (СКВОРЦОВ)

OUTSTANDING FIGURES OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH, WHO DIED IN CAMPS IN KUZBASS: BISHOP AMPHILOCHIUS (SKVORTSOV)

Правда Вера Леонидовна,

кандидат историч. наук, доцент, e-mail: veralavrina@yandex.ru

Pravda Vera L., C. Sc., Associate Professor

Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Весенняя, 28

T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, 28 street Vesennyaya, Kemerovo, 650000, Russian Federation.

***Аннотация.** Данная статья относится к биографическому направлению исследований, в ней изучается жизненный путь погибшего в Яйском ОЛП епископа Амфилохия, миссионера, борца с обновленчеством и другими церковными расколами. Амфилохий был заключённым соловецкого лагеря, прошёл через сибирские лагеря. В Яйском лагере накануне окончания срока, против него было возбуждено новое уголовное дело, по которому владыку приговорили к расстрелу. История политических гонений против РПЦ в СССР давно стала предметом изучения церковных и светских историков. Не только исторической, но и нравственной задачей является восстановление имён репрессированных, невинно пострадавших от тоталитарной власти, Эта тема актуализируется также задачей утверждения в обществе религиозной терпимости и личной свободы. Целью данного исследования является изучение жизненного пути священномученика епископа Амфилохия, восстановление насколько позволяют архивные документы, последнего периода его жизни в Яйском ОЛП Сиблага, исправление неточностей, которые вкрались в описание биографии епископа Амфилохия.*

***Abstract.** This article applies to biographical research area, it examines the way of life of the deceased in the Yaya OLP Bishop Amphilochius, a missionary, a fighter with Renovationism and other Church schisms. Amphilochius was a prisoner of the Solovetsky camp, passed through the Siberian camps. In the Yaya camp before the expiry of the time against him was initiated a new criminal case in which the rehbishop was sentenced to death. History of political persecution of the Orthodox Church in the USSR has long been a subject of study of ecclesiastical and secular historians. Not only historical, but also moral task is to restore the names of the repressed, innocent victims of the totalitarian regime, This theme actualizarea also the task of asserting religious tolerance and personal freedom. The purpose of this study is to examine the life of a Bishop Amphilochius, recovery as archival documents, the last period of his life in the Yaya OLP Siblag, the correction of the inaccuracies that have crept into the description of the biography of Bishop Amphilochius.*

***Ключевые слова:** репрессии, биографии новомучеников, политические процессы 1937 г. в лагерях Кузбасса.*

***Keywords:** repression, biographies of the new martyrs, political processes in camps of Kuzbass in 1937years.*

Епископ Амфилохий прожил деятельную жизнь. Талантливый ученый, знаток восточных языков, проповедник, он объездил с миссионерскими целями Прикаспийские степи, Калмыкию, Монголию. После революции мужественно противостоял не только советским властям, но и обновленческим и григорианским раскольникам. Пять раз арестовывался, девять лет провел в лагерях. Расстрелян в Яйском лагерном пункте Сиблага. Его жизнь стала подвигом веры и увен-

чалась мученической кончиной.

Епископ Амфилохий (в миру Скворцов Александр Яковлевич) родился 17 февраля 1885 года в небольшом селе Норваши¹ Цивильского уезда Казанской губернии в многодетной семье псаломщика местной церкви Якова Васильевича Скворцова. Он был младшим, одиннадцатым ребенком. Юноша закончил духовное училище в

¹ По некоторым данным «Норваши».

городе Чебоксары, затем поступил в Казанскую духовную семинарию. Александр мечтал об уединенной монашеской жизни в каком-нибудь дальнем монастыре. Еще в семинарии хотел принять монашеский постриг, но духовник сдержал до времени его горячий порыв и рекомендовал продолжить образование. Александр поступил в Казанскую Духовную Академию на миссионерское отделение. 22 марта 1907 года на первом курсе обучения молодой студент принял монашеский постриг с именем Амфилохий.

В 1908 году монашествующий студент был рукоположен в иеродиаконы.

Миссионерская деятельность сопряжена с необходимостью изучать языки тех народов, среди которых проповедают Христа. И молодой иеродиакон начал осваивать калмыцкий язык. В 1909 году на третьем курсе его командировают на летние каникулы в Астраханскую степь для изучения языка калмыков. В Академии талантливый студент стал готовиться не только к миссионерской, но и к научной деятельности. Он, как упоминалось выше, изучил калмыцкий язык, а также архивные рукописные материалы, касающиеся переводов на этот язык Библии и богослужебных текстов. В 1910 иеродиакон Амфилохий завершил диссертационное сочинение на тему «Религиозно-нравственные переводы на калмыцкий язык как средства миссионерского воздействия». Похвальную рецензию на это сочинение написал доцент академии, иеромонах Гурий (Степанов), который станет его духовником. За свой труд иеродиакон получил две премии и степень кандидата богословия. Молодой ученый был оставлен при Академии на кафедре монгольского языка и истории и обличения ламаизма профессорским стипендиатом и преподавателем монгольского языка. В этот же год иеродиакона Амфилохия рукоположили в иеромонахи. В его деятельности неразрывно и гармонично слились три вида служения – инокское, миссионерское и богословское.

В 1910 году иеромонах отправился Петербург, где он в течение года слушал лекции в Санкт-Петербургском университете на восточном факультете в качестве вольнослушателя. По возвращении из столицы начал служить в Казанской Духовной академии. В 1911 году был назначен исполняющим должность доцента при кафедре истории и обличения ламаизма и монгольского языка. Началась активная, насыщенная путешествиями, командировками миссионерскими поездками жизнь. Иеромонах Амфилохий не раз становился участником миссионерских съездов. В ходе их обсуждались важные вопросы переводов Библии на языки местных народов, среди которых проповедовали миссионеры. В 1912 году по указу Синода иеромонах Амфилохий был командирован на год в Монголию для изучения тибетского языка и тибетской литера-

туры по ламаизму.

Традицией русской миссионерской школы было глубокое изучение не только языка, но и верований, мифов, искусства обращаемых народов. Миссионеры в России вели, как правило, большую этнографическую работу. Так, например, миссионер Кузнецкой земли Василий Вербицкий явился собирателем мифологии шорцев [11]. Иеромонах Амфилохий не отступал от этих традиций. В Монголии он собрал коллекцию связанных с культовой практикой ламаизма предметов: скульптуры буддийских богов из различных материалов, их изображения на полотне, предметы шаманского культа, монеты, четки. Работа так увлекла его, что он написал прошение о продлении командировки еще на год, на что было получено разрешение.

В Казани продолжением миссионерской деятельности иеромонаха явилось сотрудничество с Казанским историко-этнографическим музеем. Он становится помощником директора. В дар музею иеромонах Амфилохий передал привезенную из Монголии коллекцию. Она явилась учебным материалом, хорошим подспорьем для студентов миссионерского отделения и слушателей миссионерских курсов.

Молодой иеромонах обладал ярким проповедническим даром, его глубокие проповеди часто звучали под сводами кафедрального собора Казани.

Игумен Дамаскин (Орловский) приводит свидетельство о крещении трех китайцев, состоявшееся 3 ноября 1914 в храме Казанской Духовной Академии подчеркивая, что крещение китайцев – редчайшее в миссионерской практике событие, и заслуга в этом целиком принадлежит иеромонаху Амфилохию [8].

В 1915 году за безупречную службу иеромонах Амфилохий был награжден наперсным крестом.

Через два года в России началась смута: революции, войны, гонения на церковь и священников, ломка всего прежнего уклада жизни, насаждение новой коммунистической атеистической идеологии.

В 1918 году в стране началась Гражданская война. В сентябре 1918 года к Казани подошли соединения красноармейцев. Иеромонах Амфилохий покинул город вместе с отступавшими на восток частями Белой армии. Кафедра, наука, миссионерская деятельность – все это навсегда осталось в прошлом.

В октябре 1918 года иеромонах прибыл в Красноярск и поселился в семи километрах от города в Успенском мужском монастыре. Удивительно, но в этот драматический для страны период вдруг стала осуществляться его юношеская мечта: он стал монахом маленького отдаленного сибирского монастыря. Между тем пожар гражданской войны в Сибири разгорался. Нарастал

натиск Красной Армии с запада, в тылу вели боевые действия красные партизаны. В этих катастрофических событиях единственное свое служение Амфилохий видит в молитвенной жизни. В феврале 1919 года он вместе с пятью монахами уехал в Минусинский край на озеро Тиберкуль, где они основали скит [10, с. 89]

Для пустынножительства горное озеро Тиберкуль подходило как нельзя лучше. Это отдаленное место и сейчас малодоступно в летнее время, когда нет зимников. Озеро богато рыбой. Летом в округе много ягод и съедобных растений. Вода чиста и прозрачна. Берега очень красивы, многочисленные острова придают озеру особую живописность. Здесь иеромонах со своими сподвижниками провел два года. За это время Белая армия была разгромлена, в стране окончательно утвердилась власть большевиков.

Были ли эти годы, воплощающие юношеские мечтания иеромонаха Амфилохия, счастливыми, наполненными молитвами и созерцанием заповедных красот или они были пронизаны тревогой и тяготами, нам неизвестно. В автобиографии, написанной в 1931 году в тюрьме, епископ Амфилохий упоминает об этом скупо и сухо: «В феврале 1919 года с группой в 5 человек уехали в Минусинский уезд в Имисскую волость на оз. Тиберкуль, где прожили два года. С февраля 1921 года – приходской священник с. Белый Яр Курагинской волости Минусинского уезда» [3]. Из этих слов не ясно также, почему монахи покинули свой скит. Около года иеромонах Амфилохий прослужил сельским священником в селе Белый Яр.

В 1922 году возглавляющий епархию епископ и Енисейский Красноярский Зосима (Сидоровский) перешел в обновленчество и стал склонять к нему находящихся в его подчинении священнослужителей. Обновленческое движение возникло еще до революции 1917 года. Но как раскольническая церковь оформилось в 1922 году при поддержке ОГПУ. Объединенное государственное политическое управление поддерживало обновленцев именно в раскольнических целях, а те в свою очередь заявляли о полной поддержке нового большевистского режима. Зосима вызвал иеромонаха Амфилохия в Красноярск и предложил ему присоединиться к обновленцам. После того как он отказался – уволил [12, с. 22-28].

Увольнение лишило Амфилохия средств к существованию и сделало его бездомным. Несколько месяцев он скитался по домам верующих, совершая богослужения и молебны. В ноябре 1922 года иеромонах уехал в глухой край Минусинского уезда и поселился в женском монастыре на Матуре, где прожил около полугода. Там состоялась важная встреча. Иеромонах Амфилохий познакомился с монахиней Варсонофией (Варварой Цивилевой), которая стала его ду-

ховной дочерью. Она поделила с ним его судьбу, сопровождала во всех странствиях, была рядом и помогала ему, когда он томился в заключении. Варсонофия была не единственной его духовной дочерью, но именно она отправилась за ним в ссылку на Соловки, а потом в Маринск, и далее в Осиновку под Новокузнецком.

Между тем натиск обновленцев усиливался. К концу 1922 года они смогли занять две трети из 30 тысяч действовавших в России церквей. Особенно тяжелой была ситуация в Сибири, где обновленцы заняли подавляющее большинство храмов. Они вели себя агрессивно по отношению к православной церкви, старались завладеть оставшимися в ее распоряжении церквями. Обновленцам стало известно о пребывании Амфилохия в селе Матур. Они опасались его как сохранившего верность православию и пользующегося авторитетом и влиянием среди верующих. Чтобы избежать преследований иеромонах уезжает вместе с несколькими монахами и монахинями в тайгу и вновь основывает скит в 20 километрах от ближайшей деревни. Об этом он пишет в автобиографии: «В связи с обновленческими преследованиями в мае 1923 года в сообществе Берестова Василия Захаровича, Петра Степановича (фамилию не помню) и 4 монахинь удалился в тайгу в верстах 20 от жилого места. Там прожили 5 месяцев до ареста» [3]. Через полгода о ските становится известно органам ОГПУ.

В 1923 году последовал первый арест иеромонаха Амфилохия. Вместе с насельниками скита он был доставлен в Минусинск. На этот раз все закончилось благополучно: никаких обвинительных материалов у следствия не оказалось, фабриковать и произвольно стряпать дела тогда еще не научились. Арестованные через неделю были освобождены.

В сентябре 1924 года советом православной общины иеромонах Амфилохий был избран приходским священником Минусинской кладбищенской церкви. В своих проповедях он резко обличал обновленцев за отступление от Православия. Те, желая пресечь деятельность настоятеля и овладеть церковью, обратились в органы ОГПУ. Сотрудники арестовали отца Амфилохия. С 6 июня до 20 ноября 1924 года он провел в тюрьме. Не найдя состава преступления, власти освободили его. Кладбищенский храм все же отобрали и передали обновленцам.

В 1925 году иеромонах Амфилохий был вызван телеграммой в Москву для рукоположения в епископы. Ряды иерархов церкви таили: многих арестовали, другие уклонялись в обновленчество, поэтому патриарх Тихон собирал оставшихся на свободе верных церкви, возводя их на епископские кафедры. 23 февраля патриарх во время литургии в сослужении с другими иерархами рукоположил иеромонаха во епископа Енисейского и Красноярского. В эти дни святейший

патриарх Тихон совершал последние рукоположения. Через полтора месяца, 7 апреля 1925 года, его земная жизнь закончилась. Эта литургия стала, возможно, одним из самых значимых и счастливых моментов жизни преосвященного в череде арестов, гонений и скитаний. Его рукополагал в Москве сам Святейший. На литургии сослужил учитель владыки архиепископ Гурий (Степанов), духовным сыном которого он являлся уже 20 лет. Именно архиепископ Гурий, будучи доцентом Казанской Духовной академии, в 1910 году написал, как уже упоминалось, поощрительную рецензию на первый научный труд молодого иеродиакона Амфилохия. Две недели владыка провел в Москве.

Возвратившись в Красноярск правящим епископом, владыка начал, а точнее, продолжил борьбу с обновленцами. Но до следующего ареста оставалось чуть больше года. Тем не менее, за это время владыка написал и выпустил несколько воззваний и брошюр, направленных против обновленцев. Он помог и поддержал многих сосланных в Красноярский край священников, посылал деньги нуждающимся. Успел рукоположить 15 священников.

13 июля 1926 года последовал третий арест епископа Амфилохия. Формальным поводом послужила жалоба благочинного обновленческих церквей Красноярска на действия владыки против обновленцев.

Начались допросы. На вопросы следователей об отношении его к советской власти, оценке Декрета об отделении церкви от государства епископ отвечал прямо, не смягчая своей позиции: «Декрет считаю справедливым и законным, ибо с неверующей властью связи у нас быть не может...К совласти я отношусь лояльно и не лоялен лишь к ней в отношении борьбы с религией»[1].

В органах завели «Дело монархическо-черносотенной контрреволюционной группировки епископа Амфилохия» и приговорили его к трем годам заключения в Соловецком лагере особого назначения (СЛОН) [12, с. 24].

СЛОН был одним из первых в мире концентрационных лагерей, предназначенным для «перевоспитания» идейно чуждых советской власти лиц. В их число попадали как раз священнослужители и верующие. Здесь обкатывалась система принудительного труда заключенных. В 1926 году лагере находилось уже свыше десяти с половиной тысяч человек. СЛОН отличался особенно жестокими порядками, издевательствами над заключенными и тяжелыми условиями работы. А. Солженицын назвал Соловки «полярным Освенцимом». В лагере Амфилохий получил относительно легкую работу кладовщика. В Соловецкий лагерь к нему приехала его духовная дочь монахиня Варсонофия. Она поселилась вблизи лагеря и помогала владыке передачами, посыла-

ками. Кроме того, Красноярский церковный совет присылал владыке Амфилохию по 50 рублей в месяц. В 1928 году епископ был досрочно освобожден по пересмотру дела, но с запретом проживания в Красноярске.

Заместитель местоблестителя митрополит Сергей назначил епископа Амфилохия на кафедру в Новочеркасск Донской области, однако сотрудники ОГПУ не разрешили ему въезд в Новочеркасск. Возникла серьезная заминка и со следующим назначением владыки в Самарскую епархию. Она связана была с отношением епископа Амфилохия к знаменитой декларации патриаршего местоблестителя Сергея и созданного им Временного патриаршего священного синода, которая появилась в 1927 году в газете «Известия ВЦИК».

В декларации от лица всей Церкви выражалась «благодарность Советскому Правительству за ... внимание к духовным нуждам православного населения». Документ прямо провозглашал лояльность к новой власти: «Мы хотим быть Православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой наши радости и успехи, а неудачи наши неудачи» [15]. В условиях непрекращающихся гонений на Церковь, арестов священнослужителей эти заявления выглядели двусмысленными. Кроме того, митрополит Сергей требовал обязательного поминовения властей в церквях в общепринятой формулировке: «Еще молимся о (богохранимеей) стране нашей, властях и воинстве ея, да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте». С этим епископ Амфилохий был категорически не согласен, считая лицемерным молиться за процветание богоборческой власти. При встрече с митрополитом Сергием он предложил такую формулировку поминовения властей: «Еще молимся о стране нашей и о властях ея, да обратит Господь их к истинному познанию святых веры и обратит их на путь покаяния» [9, с. 205]. Сергей не принял этого предложения. Чтобы разрешить противоречие митрополит предложил епископу Амфилохию подать прошение об увольнении по состоянию здоровья, что владыка и сделал. Он сознавал неблагоприятные для себя последствия этого шага, но не мог идти на компромиссы с властью политической и даже церковной, если та хоть на йоту отступает от заповеди Христа о стремлении к правде.

И вот, все вернулось на круги своя: молодой сорока двухлетний священник снова остался без службы, без приюта, теперь уже не по вине обновленцев. Но он твердо знал, что делать. Юношеская мечта о пустынножительстве не оставляла владыку Амфилохия.

В жизненном пути владыки ясно прослеживаются два полюса устремлений: к уединенной молитвенной жизни и к деятельностному служе-

нию в качестве миссионера, ученого, проповедника, главы епархии. Видимо, епископ Амфилохий в годы гонений не раз спрашивал себя: могу ли я позволить себе отшельническую жизнь, когда в Церкви и стране разворачивается такая трагедия, и стадо Христово расхищается? Теперь, отправленный на покой, он мог ответить на это вопрос положительно. Епископ решает вернуться в Хакассию и основать пустынножительский скит

В июле 1928 года владыка приехал в село (улус) Анжуй Таштыпского района Хакассии. Здесь его уже ждали монахини бывшего Матурского монастыря, закрытого в 1926 году. Владыка их хорошо знал: как уже говорилось, в 1922 году около полугода он жил в монастырской общине на Матуре. Многие из монахинь являлись его духовными дочерьми. Среди них была и монахиня Варсонофия. В селе образовался небольшой монастырь из десяти человек, главой которого стал преосвященный. В Анжуле сохранился небольшой действующий храм, в нем служил настоятелем семидесятилетний иеромонах Серафим (Берестов). Жизнь в новообразованном монастыре была по-настоящему отшельнической, устроенной по строгому монастырскому уставу: молитвы, богослужения, исповеди, откровения помыслов, душевспасительные беседы. Владыка наставлял своих духовных дочерей и в том, как жить в условиях господства безбожной власти. В своей келье епископ устроил домашнюю церковь и сам проводил в ней службы.

Епископ Амфилохий полностью отошел от дел церкви. Позже на допросе, отвечая на вопрос о причинах замкнутого образа жизни, и о получении разрешения на создание монастыря, пояснил: «Будучи уволенным на покой, я не имел права вмешиваться в церковную жизнь в епархии, где был свой епископ, в данном случае епископ Димитрий, это было бы в церковном отношении антиканоничным, это с одной стороны. С другой стороны, перенесши одну ссылку, я, избегая всякой церковной деятельности и даже всяких личных знакомств и сношений, хотел предохранить себя от возможных подозрений со стороны власти и тем избежать, может быть, вторичной ссылки, и потому круг моих сношений был замкнут только окружавшими меня монахинями и перепиской с небольшим кругом лиц. В Анжуле нас, монахов и монахинь, было десять человек, и жизнь наша была по существу монастырской. Какого-либо разрешения от властей мы не имели, потому что нам даже в голову не приходило, что нужно на это иметь разрешение властей. Богослужения у нас проходили по большим праздникам и отчасти по воскресеньям, когда я был здоров, без разрешения властей, так как я считал, что для себя я служить имею право» [2]. Три года просуществовала эта небольшая монашеская община.

Следующим после духовенства сословием, с которым власти стремились расправиться, стали крестьяне. В конце 20-х годов в стране началась коллективизация. Анжуйских крестьян тоже стали загонять в колхозы, отбирать у них имущество, принудительно посылали на лесозаготовки. В это время власти обратили внимание на женщин, которые не хотели идти и не ходили на лесозаготовки. ОГПУ произвело расследование и обнаружило нелегальный монастырь, который, по их мнению, мешал созданию колхозов, потому что негативно влиял на умонастроение крестьян.

К 30-м годам шансов на выживание у монастыря в Анжуле, как и по всему СССР уже не было [13]. 30 апреля 1931 года епископ Амфилохий и все члены его монашеской общины были арестованы. Удалось скрыться лишь монашине Варсонофии (Варваре Цивилевой). Владыку доставили в тюрьму при Минусинской исправительно-трудовой колонии. Начались допросы. Знакомясь с характером вопросов, которые следователи задавали подследственному, складывается впечатление, что им интересно было беседовать с умным, глубоким и цельным человеком – уж очень много они задавали вопросов, не связанных с обстоятельствами дела о нелегальном монастыре. Их интересовала больше не политическая позиция владыки, а взгляды уже отошедшего от дел епископа на те или иные внутрицерковные вопросы. Они спрашивали его об отношении к последнему посланию патриарха Тихона, к «григорианцам» и Высшему Церковному Совету [6, с. 455-458]², к томскому митрополиту Дмитрию (Беликову) и объявленной им автокефалии. Томский митрополит Дмитрий (Беликов) в условиях частой смены руководства в 1927 году объявил Томскую епархию автокефальной, то есть самостоятельной и самовозглавляющейся. После запрещения в служении патриаршей церковью перешел к «григорианцам» [6]. Владыка Амфилохий отрицательно оценил объявление автокефалии без благословения высшей церковной власти.

На последнем допросе 29 июня Амфилохий сказал: «В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю. Объясняю, что агитации не проводил, но не отрицаю, что я выражаю несочувствие к советской власти» [2]. В обвини-

² «Григорианцами» называют участников церковного раскола по имени Свердловского архиепископа Григория (Яцковского) – создателя и первого руководителя так называемого Временного Высшего Церковного Совета (ВВЦС или ВЦС), они самочинно претендовали на высшую власть в церкви и активно сотрудничали с ОГПУ. На допросе Амфилохий высказал отрицательное отношение к григорианцам.

тельном заключении значилось: «6 апреле 1931 года в Хакасский областной отдел ОГПУ поступили сведения, что на территории Таштыпского района в деревнях Анжуй и Матур монашки, организовав неофициальный монастырь староперцового течения, под руководством епископа Скворцова и под религиозным флагом ведут антисоветскую агитацию, направленную против мероприятий Советской власти... В процессе следствия установлено, что в д. Матур существовал до революции и после 1917 г. женский монастырь, в котором непродолжительное время был епископ Амфилохий Скворцов... В 1928 г. в июле месяце после отбывания срока высылки в Соловецком концлагере Скворцов прибыл к старым знакомым монашкам в д. Анжуй, пригласил монашек бывшего Матурского и Минусинского монастырей... С 1928 по 1931 годы Скворцов прозвал себя владыкой и не показывался населению, верующие не могли его повидать. Монашки говорили: «Владыко болен, не принимает»... Монахи распространяли слухи о падении Советской власти, возвращении царя-монарха на престол, о том, что 19.04.1931 года будет затмение и состоится страшный суд. В 1931 году крестьяне отказались выполнить задание РИКа по лесозаготовкам и сенозаготовкам. В своем доме сделали иконостас, проводили молебны, венчания. Распространяли частично святыни: песочек, кусочки камешков от гробницы господи и др. Проводили агитацию против коллективизации. 30 марта собрали на молебен, где епископ в проповеди говорил: не вступайте в колхоз. На другой день Кужаковы; Алексей и Прокопий, Шулбаевы: Апины, Ибдиш, Ахачах вышли из колхоза...» [2]. Амфилохий своей вины не признал.

16 ноября 1931 года владыку приговорили к пяти годам заключения в лагере, такой же приговор получили другие члены Анжуйской монашеской общины. 15 декабря 1931 года владыка Амфилохий прибыл этапом в Мариинскую пересыльную тюрьму Сиблага. Отсюда начался крестный путь преосвященного к своей мученической кончине. Последним утешением на этом пути стало появление его духовной дочери монахини Варсонофии. Спасаясь от ареста в Анжуйе Варсонофия разыскала владыку в Мариинске и приехала к нему. Пренебрегая опасностью очередного ареста, она передавала ему посылки, поддерживала передачами и остальных монашек анжуйской общины.

Летом 1932 года владыку перевезли в Осиновское отделение Сиблага в Новокузнецке. Оттуда он написал Варсонофии о тяжелом положении в лагере. Она приехала в Осиновку, сняла комнату. Как могла, помогала владыке и другим заключенным священникам. По благословению владыки ей пришлось продавать его вещи или менять на продукты, чтобы передавать их в лагерь. Самовар, чемодан с бельем и ряса – вот все,

что осталось от вещей преосвященного.

12 декабря 1932 года владыка был отправлен работать на Шушталепскую штрафную командировку, где заключенные добывали уголь. Поселок Шушталеп находится в 15 километрах от Новокузнецка. Епископа Амфилохия определили на общие работы. Сохранилась характеристика, которую начальник командировки дал владыке: «Норму выполнял на 100%. Отношение к труду добросовестное, поведение удовлетворительное, взысканий не имел. В политотношении скрытен, своих взглядов не высказывал. В культурно-общественной жизни лагеря не принимал никакого участия, был даже случай, когда на предложение бригадира записаться в ряды ударников заключенных. Скворцов отказался, ответив, что «дураков много – пусть ударяют» [2]. Эта характеристика показывает, что, во-первых, владыка, если правильно передали его слова, сохранил присутствие духа и чувство юмора, и, во-вторых, за такими заключенными, как епископ Амфилохий ведется пристальное наблюдение, запоминается и оценивается каждое их слово. Владыка этого не мог не знать. Поэтому последующие обвинения в контрреволюционной агитации в лагере, конечно, являются лживыми и абсурдными.

Но условия жизни в лагере становились все более тяжелыми и невыносимыми. 16 апреля 1933 года Амфилохия перевели в Елбанскую штрафную группу (Новосибирская область), где заключенные тоже работали в шахтах на добыче угля. Работа в шахтах была одной из самых тяжелых и опасных. После изматывающего 12-13-часового трудового дня заключенные возвращались в холодные бараки. Лагерников держали на голодном пайке. За стопроцентную выработку, то есть за выполнение нормы давали 400 грамм хлеба, за 110 % – 500 г., за 150 % – 650 г. [7] В одном из писем монахине Варваре владыка писал, что «питание в лагере плохое, собираем картофельные очистки и им бываем рады». Владыка жил вместе с уголовниками, среди которых процветало воровство. Даже в этих условиях он старался не отступать от пастырского служения. После ареста, обвиненный в контрреволюционной агитации на допросах показал: «Влияние на лагерников я оказывал исключительно духовного характера, внушая лагерникам религиозное настроение — быть в личной лагерной жизни терпеливыми, не роптать, быть покорными своей судьбе, усматривая во всем волю Божию» [2]. Этим привилам владыка следовал сам.

Нечеловеческие условия существования лагерное начальство посчитало недостаточным наказанием для «идейно чуждых элементов» – духовенства, верующих мирян, Оно стало раскручивать новое дело. В лагере епископы и священники дружески общались, поддерживали друг друга. На этом основании начальство выдвинуло против них обвинение в существовании

контрреволюционной организации. Владыка Амфилохий был арестован 28 апреля 1933 года (в пятый раз) и после обыска заключен в штрафной изолятор Осиновского лагеря без права выхода на работу. При обыске у него изъяли два креста и параман³. Вместе с владыкой были взяты под стражу Варсонофия и шесть человек заключенных. Арестованные обвинялись в том, что «путем распространения провокационных слухов о скором падении соввласти, антисоветской агитацией среди заключенных лагеря, а также путем нелегальной переписки с волей поставили себе цель формирование банд-шайк как внутри, так и вне лагеря в целях свержения соввласти» [1].

Начались допросы всех участников «дела». Следствие велось полгода. Прошедший через пять арестов, «отмотавший» два лагерных срока владыка ни в чем не поступился своей верой и убеждениями. На последнем допросе 1 августа 1933 года он твердо и бесстрашно заявил: «Ранее при допросах я утверждал, что являюсь противником советской власти и существующий строй моим убеждениям и идеям враждебен. Сейчас я снова заявляю, что советской власти и ее укладу я желаю падения, в этом нахожу возможность восстановления правильной духовной жизни народа» [2]. Дело о «контрреволюционной группировке», было направлено в коллегию ОГПУ. Редкий случай – но прокурор не согласился с выводами доморощенных следователей, справедливо признав, что общение близких по взглядам, хотя и идейно чуждых советской власти людей нельзя расценивать как «контрреволюционную организацию». Но это не помешало прокурору добавить сроки подследственным, поскольку они «не исправились», а сроки наказания у них уже заканчивались. 28 января 1934 года Коллегия ОГПУ постановила увеличить срок наказания епископу Амфилохию на один год. Было принято решения разъединить отбывающих священнослужителей, распределив их по разным лагерным пунктам. Владыка был отправлен в исправительно-трудовой лагерь в поселок Яя Кемеровской области. Монахиню Варсонофию освободили. Прокурор решил, что «Цивилева, находясь под полным религиозным влиянием епископа Скворцова, помогала ему продуктами и передачей писем, тем не совершила уголовно наказуемого преступления, и дело о ней подлежит прекращению» [5].

Эта удивительная женщина, преданная своему духовному отцу заслуживает того, чтобы сказать о ней особо. Варвара Цивилева происходила из крестьян, жила в Минусинске Красноярского края. Год принятия монашеских обетов неизвестен. Вся её жизнь осветилась встречей с влады-

кой Амфилохием, за которым она неотступно следовала. После того как владыки не стало, проживала в городе Абакане Красноярского края. 4 января 1945 года Варвару вновь арестовали, ее и нескольких монашек обвинили в «участии антисоветской организации сторонников истинной православной церкви». Была приговорена к восьми годам концлагерей. Дальнейшая ее судьба неизвестна [5].

В Яйском лагере владыка работал контролером на швейной фабрике. В архиве сохранилась учетно-статистическая карточка, заполненная в лагере в 1936 году. В ней были отмечены черты внешнего облика владыки: рост высокий, телосложение среднее, волосы темно-русые, цвет глаз голубой, нос обыкновенный. Профессиональную квалификацию преосвященного определили как «чернорабочий». В графе «фамилия, имена и адреса ближайших родственников» написано коротко и страшно: «родных нет» [4, л.д. №11].

В 1937 году в рамках усиления репрессий по всей стране, стали раскручиваться и групповые политические процессы в лагерях [14], что крайне неблагоприятно сказалось на судьбе Амфилохия. 30 апреля 1937 года окончился его срок заключения. Уже была выписана справка о его освобождении. Но вместо свободы лагерное начальство стало готовить ему новые обвинения, обыски и смертный приговор. Не сломленный и «не перевоспитавшийся» епископ представлял для них опасность. В лагере нашлись лжесвидетели, которые подписали показания о том, что епископ Амфилохий хулил советский строй, советскую власть и конституцию. 4 июня 1937 года против епископа было открыто новое дело. Уполномоченный по яйскому лагерному пункту Сиблага, собрав все лжесвидетельства, вынес постановление: «Учитывая, что у Скворцова кончается срок, и он из лагеря подлежит освобождению, будучи на воле снова будет проводить контрреволюционную деятельность, постановил: з. к. Скворцова из лагеря не освобождать и немедленно приступить к следствию по его делу, предъявив ему обвинение по ст. 58, 10-УК РСФСР» [4, л.д. № 2].

7 июня в бараке, где жил владыка, был произведен обыск. Следователи нашли лист помянника, небольшую иконку, один лист из «священной книги», как написано в протоколе обыска, и дубовые дощечки, из которых владыка вырезал крестики [4, л.д. № 3]. Это были все оставшиеся у него личные вещи. Остальное – брюки, гимнастерка, рубаха, полотенце, телогрейка и ремень – лагерное имущество. В тот же день владыка был помещен в изолятор Яйского лагерного пункта. Он категорически отказался от подписи на постановлении об аресте, настаивая на своей невиновности, и потребовал составить об этом протокол, что и было сделано уполномоченным.

³ Принадлежность облачения монаха малой схимы: небольшой четырехугольных плат с изображением орудий страстей Господних.

О дубовых дощечках, найденных у владыки при обыске, следователь на допросе спросил особо.

Вопрос следователя: «У вас при обыске изъяты деревянные дубовые дощечки. Расскажите, для какой цели вы их хранили.

Ответ владыки Амфилохия: По освобождению из лагеря я хотел из этих дубовых плашек делать крестики и в трудный момент нуждающимся в них мог бы дать.

Вопрос следователя: Значит, по освобождению из лагеря вы хотели нелегально распространять крестики, этим существовать и нелегально вести религиозную пропаганду?

Ответ владыки Амфилохия: Существовать за счет крестиков я не хотел и распространение их в таком малом количестве за преступление не считаю, так как они могли быть предназначены для близких мне людей» [4, л.д. № 10].

Судя по этой поистине берущей за сердце детали, владыка все же надеялся на освобождение, но при этом после всех тяжких испытаний он не собирался подстраиваться под новую жизнь и менять, хотя бы из предосторожности свой образ жизни. Он не шел ни на какие компромиссы с совестью

Владыка отказался подписывать обвинения, отверг все лжесвидетельства и виновным себя не

признал. Амфилохия изнурили очными ставками «свидетелей», чьих показаний набралось на тринадцать листов. В этот раз дело поступило не к прокурору, а к внесудебным органам: «тройке» НКВД. Они создавались для того, чтобы поставлять на конвейер обвинительные приговоры и никогда не оправдывали подсудимых.

20 августа 1937 года «тройка» НКВД вынесла обвинение: «открыто среди заключенных ведет контрреволюционную агитацию, направленную на дискредитацию сталинской конституции и распространяет контрреволюционную клевету на руководителей партии и правительства, нанося всевозможные оскорбления» [4, л.д. № 26]. По статье 58-19 УК РСФСР его приговорили к высшей мере наказания. Через десять дней, 1 сентября 1937 года владыка Амфилохий был расстрелян в Яйском лагере и погребен в скрытом месте. На некоторых сайтах, в том числе и в электронной базе данных Свято-Тихоновского университета [1], неверно приводятся дата приговора (якобы 20 сентября), и дата расстрела владыки (якобы 1 октября). В архивных документах УФСБ России по Кемеровской области указаны другие даты – те, которые мы привели выше.

В 2000 году РПЦ причислила епископа Амфилохия к лику святых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амфилохий (Скворцов Александр Яковлевич) // Новомученики и исповедники за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX веке: электронная база данных/ Православ. Свято-Тихон. Гуманитар. Ун-т URL http://kuz3.pstbi.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/ans (дата обращения 12.01.2016)
2. Амфилохий (Скворцов Александр Яковлевич), епископ, священномученик. Режим доступа: http://kotlovka.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1585
3. Амфилохий (Скворцов), священномученик, епископ Енисейский URL: http://www.solovki.ca/new_saints_12/12_11.php (дата обращения 24.03.2016)
4. Архив УФСБ России по Кемеровской области, дело № П-12486.
5. [Варсонофия \(Цивилева Варвара Панфиловна\)](#) // Дела. Новомученики и исповедники русской Православной Церкви XX века. ПСГТУ. URL: http://www.pstbi.ru/bin/db.exe/ans/nm/?NYZ9EJxGHoxITYZCF2JMTcCid61UdS5Wc5slCH6oTcGZeuyPn2s9X6qV**_nxt (дата обращения 6.03.2016)
6. Григорианский раскол / Православная энциклопедия, т. 12 М., 2001, с 455-458.
7. Гвоздкова Л. И. Сталинские лагеря на территории Кузбасса. 30-40-е годы. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. – 258 с.
8. Дамаскин (Орловский) Амфилохий. / Православная энциклопедия. Т. 2. М., 2001, с. 195.
9. Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. – Тверь, 2002. Кн.6. – 421 с.
10. Жизнеописания кузбасских святых [Текст]: сб. очерков // авт.-сост. : В. Л. Лаврина, С. М. Павлов ; редкол. : В. А. Овчинников, А. А. Мить, Н. Г. Губанова ; Кемеров. и Прокопьев. Епархия, Кемеров. гос. ун-т. – Кемерово: ИЦ «Медиа-Центр Глагол», 2013. – 255 с.
11. Записки миссионера Кузнецкого отделения Алтайской духовной миссии священника Василия Вербицкого. – Новокузнецк: Сретение, 2008. – 327 с.
12. Новомученики и исповедники земли Кузнецкой. – Кемерово: Скиф, 2011. – 408 с.
13. Овчинников, В. А. Особенности «выживания» православных монастырей в советской России в 20-30-е гг. XX в. / В. А. Овчинников // Актуальные проблемы местного самоуправления в Российской

Федерации: материалы Межрегиональной научно-практической конференции. – Кемерово, 2005. – С. 349 - 357

14. Правда В.Л. Групповые политические процессы 1937-38 гг. в лагерях Кузбасса // Вестн. Кузбасского гос. тех. унив., 2015, № 2 (15), с. 169-174.

15. Сергианство Википедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%E5%F0%E3%E8%E0%ED%F1%F2%E2%EE> (дата обращения 12.01.2016).

REFERENCES

1. The Amphilochius (Skvortsov, Aleksandr Yakovlevich) // Martyrs and Confessors for Christ suffered in the persecution of the Russian Orthodox Church in the twentieth century: electronic database/ Pravoslav. Svyato-Tikhon. The Humanities. Univ URL http://kuz3.pstbi.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/ans (accessed 12.01.2016)

2. The Amphilochius (Skvortsov, Aleksandr Yakovlevich), Bishop, Martyr. Mode of access: http://kotlovka.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1585

3. The Amphilochius (Skvortsov), Martyr, Bishop of the Yenisei URL: http://www.solovki.ca/new_saints_12/12_11.php (accessed 24.03. 2016)

4. Archive of FSB of Russia across the Kemerovo region, the P-12486.

5. Varsonophios (Tsvileva Barbara Panfilova) // Case. New martyrs and Confessors of the Russian Orthodox Church of the twentieth century. PSHTO. URL:http://www.pstbi.ru/bin/db.exe/ans/nm/?HYZ9EJxGHoxITYZCF2JMTcCid61UdS5Wc5slCH6oTcGZeuyPn2s9X6qB**_nxt (accessed 6.03.2016)

6. Gregorian schism / the Orthodox encyclopedia, vol. 12, M., 2001, 455-458.

7. Gvozdikova L. I. Stalin's camps on territory of Kuzbass. 30-40-ies. – Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1994. – 258 p.

8. Damascene (Orlovsky) Amphilochius / Orthodox encyclopedia. Vol. 2. M., 2001, p. 195.

9. Damascene (Orlovsky), the Abbot. Martyrs, Confessors and ascetics of piety of the Russian Orthodox Church of the twentieth century: Biographies and materials to them. – Tver, 2002. KN.6. – 421 S.

10. Biographies of saints of the Kuzbass [Text]: collected essays // AVT.-comp. By : V. L. Lavrina, S. M. Pavlov ; redkol. : V. A. Ovchinnikov, A. A. The Moment, N. G. Gubanova ; The Side. and Prokopiev. The Diocese Of The Side. state University – Kemerovo: its "Media Center Verb", 2013. – 255 p.

11. Notes of a missionary of the Kuznetsk branch of the Altai spiritual mission of the priest Vasily Verbitsky. – Novokuznetsk: Meeting, 2008. – 327 p.

12. The new martyrs and Confessors of Kuznetsk land. – Kemerovo: SKIF, 2011. – 408 p

13. Ovchinnikov, V. A. peculiarities of "survival" Orthodox monasteries in the Soviet Russia in the 20-30s of the XX century / V. Ovchinnikov // Actual problems of local self-government in the Russian Federation: materials of the Interregional scientific-practical conference. – Kemerovo, 2005. – P. 349 – 357.

14. Pravda V. L. Group political processes 1937-38 in the camps in Kuzbass]. Kuzbass state technical University..., 2015, № 2 (15), S. 169-174.

15. Sergianism Wikipedia. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%E5%F0%E3%E8%E0%ED%F1%F2%E2%EE> (accessed 12.01.2016).

Поступило в редакцию 01.02.2017

Received 01.02.2017